DK18
.K44
MW
C

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 71.

В. О. Ключевскій.

Добрые люди древней Руси.

Dobrye liudi drevnei Rusi

Цѣна 3 коп.

Изданіе Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1916.

1. Л. Толстой, Три смерти — Чѣмъ люди живы . . . .
2. И. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ — Бирюкъ . . . . . .
3. В. Короленко, Чудная — Пріемышъ. — Огоньки. . .
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый . . . . . .
5. А. Чеховъ, Унтеръ Пришибеевъ и др. разсказы . . .
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація. — „На второмъ путѣ“—„Подлый, хитрый народъ“. . . . . .
8. М. Горькій, Проходимецъ — Легенда о Марко. . . .
9. С. Мечъ, Германія . . . . . .
10. Скиталецъ, Полевой судъ . . . . . .
11. И. Тургеневъ, Муму — Деревня . . . . . .
12. С. Князьковъ, 19-е Февраля 1861 года . . . . . .
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно . . . . . .
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. .
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ — Пѣсня о Вуревѣстникѣ
16. А. Заринъ, День за днемъ. . . . . .
17. И. Бѣлоконскій, Случайно не разстрѣлянный — По рубрикамъ — Первая „бомба“ . . . . . .
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ . . . . . .
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области образованія . . . . . .
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія“. . .
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ. . . . . .
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія. . . . .
23. А. Купринъ, Дознаніе — Бредъ . . . . . .
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали . . . . . .
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ . . . . . .
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи . . . . . .
27. И. Бѣлоконскій, Страшное мѣсто — Страховка — Властители. . . . . .
28. С. Елпатьевскій, Ницца—П. Рыссъ, Парижскіе силуэты
29. С. Подьячевъ, Разладъ . . . . . .
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія . . . . . .
31. Э. Льенъ, Очерки французской культуры . . . . . .
32. М. Горькій, Емельянъ Пиляй — Дѣло съ застежками — „Выводъ“ . . . . . .
33. С. Князьковъ, Голодъ въ древней Россіи. . . . . .
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ — Къ спѣху — Объ одномъ городѣ . . . . . .
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война . .
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ. . . . . .
37. И. Бунинъ, Черноземъ . . . . . .
38. Е. Угени, Объ англичанахъ. . . . . .
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства. . . . . .
40. И. Тургеневъ, Ася. . . . . .
41. А. Орловскій, Реформа городского управленія въ Пруссіи . . . . . .
42. В. Дмитріева, Непримиримые . . . . . .
43. И. Ястро, Богатство Англіи и его источники . . . .
44. А. Чеховъ, Дочь Альбіона и др. разсказы . . . . .
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ .
46. Г. Успенскій, Будка . . . . . .

В. О. Ключевскій.

Добрые люди древней Руси.

Благотворительность — вотъ слово съ очень спорнымъ значеніемъ и съ очень простымъ смысломъ. Его многіе различно толкуютъ и всѣ одинаково понимаютъ. Спросите, что значитъ дѣлать добро ближнему, и возможно, что получите столько же отвѣтовъ, сколько у васъ собесѣдниковъ. Но поставьте ихъ прямо предъ несчастнымъ случаемъ, предъ страдающимъ человѣкомъ съ вопросомъ, что дѣлать — и всѣ будутъ готовы помочь, кто чѣмъ можетъ. Чувство состраданія такъ просто и непосредственно, что хочется помочь даже тогда, когда страдающій не проситъ о помощи, даже тогда, когда помощь ему вредна или опасна, когда онъ можетъ злоупотребить ею. На досугѣ можно размышлять и спорить объ условіяхъ правительственныхъ ссудъ нуждающимся, объ организаціи и сравнительномъ значеніи государственной и общественной помощи, объ отношеніи той и другой къ частной благотворительности, о доставленіи заработковъ нуждающимся, о деморализующемъ вліяніи дарового пособія; на досугѣ, когда минуетъ бѣда, и мы обо всемъ этомъ подумаемъ и поспоримъ. Но когда видишь, что человѣкъ тонетъ, первое движеніе — броситься къ нему на помощь, не спрашивая, какъ и зачѣмъ онъ попалъ въ воду и какое нравственное впечатлѣніе произведетъ на него помощь. При обсужденіи участія, какое

91.73
К65д
871152

могутъ принять въ дѣлѣ помощи народу правительство, земство и общество, надобно раздѣлять различные элементы и мотивы: экономическую политику, принимающую мѣру, чтобы вывести трудъ и хозяйство народа изъ неблагопріятныхъ условій, и слѣдствія помощи, могущія оказаться невыгодными съ точки зрѣнія полиціи и общественной дисциплины, и возможность всякихъ злоупотребленій. Все это соображенія, которыя относятся къ компетенціи подлежащихъ вѣдомствъ, но которыхъ можно не примѣшивать къ благотворительности въ собственномъ смыслѣ. Намъ, частнымъ лицамъ, открыта только такая благотворительность, а она можетъ руководиться лишь нравственнымъ побужденіемъ, чувствомъ состраданія къ страдающему. Лишь бы помочь ему остаться живымъ и здоровымъ, а если онъ дурно воспользуется нашей помощью, это его вина, которую, по минованіи нужды, позаботятся исправить подлежащія власти и вліянія.

Такъ понимали у насъ частную благотворительность въ старину; такъ, безъ сомнѣнія, понимаемъ ее и мы, унаслѣдовавъ путемъ историческаго воспитанія добрыя понятія и навыки старины.

Древне-русское общество подъ руководствомъ Церкви въ продолженіе вѣковъ прилежно училось понимать и исполнять и вторую изъ двухъ основныхъ заповѣдей, въ которыхъ заключаются весь законъ и пророки, — заповѣдь о любви къ ближнему. При общественной безурядицѣ, при недостаткѣ безопасности для обижаемаго, практика этой заповѣди направлялась преимущественно въ одну сторону: любовь къ ближнему полагали прежде всего въ подвигѣ состраданія къ страждущему, ея первымъ требованіемъ признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась въ основаніе практическаго нравоученія; потребность въ этомъ подвигѣ воспитывалась всѣми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики. Любить

ближняго—это прежде всего накормить голоднаго, напоить жаждущаго, посѣтить заключеннаго въ темницѣ. Человѣколюбіе на дѣлѣ значило нищелюбіе. Благотворительность была не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему. Цѣлительная сила милостыни полагалась не столько въ томъ, чтобы утереть слезы страждущему, удѣляя ему часть своего имущества, сколько въ томъ, чтобы, смотря на его слезы и страданія, самому пострадать съ нимъ, пережить то чувство, которое называется человѣколюбіемъ. Древне-русскій благотворитель, „христолюбецъ“, менѣе помышлялъ о томъ, чтобы добрымъ дѣломъ поднять уровень общественнаго благосостоянія, чѣмъ о томъ, чтобы возвысить уровень собственнаго духовнаго совершенствованія. Когда встрѣчались двѣ древне-русскія руки, одна съ просьбой Христа ради, другая съ подаяніемъ во имя Христово, трудно было сказать, которая изъ нихъ больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодѣйствіи братской любви обѣихъ. Вотъ почему древняя Русь понимала и цѣнила только личную, непосредственную, благотворительность, милостыню, подаваемую изъ руки въ руку, притомъ тайкомъ не только отъ сторонняго глаза, но и отъ собственной „шуйцы“. Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай, душевный благодѣтель. „Въ рай входятъ святой милостыней, — говорили въ старину,—нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается“. Благотворителю нужно было во очію видѣть людскую нужду, которую онъ облегчалъ, чтобы получить душевную пользу; нуждающійся долженъ былъ видѣть своего милостивца, чтобы знать, за кого молиться. Древне-русскіе цари наканунѣ большихъ праздниковъ, рано по утрамъ,

дѣлали тайные выходы въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавали милостыню арестантамъ и призрѣваемымъ, также посѣщали и отдѣльно жившихъ убогихъ людей. Какъ трудно изучить и лѣчить болѣзнь по рисунку или манекену больного организма, такъ казалась малодѣйствительной заочная милостыня. Въ силу того же взгляда на значеніе благотворительнаго дѣла нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не язвой общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ нравственнаго воспитанія народа, состоящимъ при Церкви практическимъ институтомъ общественнаго благонравія. Какъ въ клиникѣ необходимъ больной, чтобы научиться лѣчить болѣзни, такъ въ древнерусскомъ обществѣ необходимъ былъ сирый и убогій, чтобы воспитать умѣнье и навыкъ любить человѣка. Милостыня была дополнительнымъ актомъ церковнаго богослуженія, практическимъ требованіемъ правила, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Какъ живое орудіе душевнаго спасенія, нищій нуженъ былъ древне-русскому человѣку во всѣ важныя минуты его личной и семейной жизни, особенно въ минуты печальныя. Изъ него онъ создалъ идеальный образъ, который онъ любилъ носить въ мысли, какъ олицетвореніе своихъ лучшихъ чувствъ и помышленій. Если бы чудодѣйственнымъ актомъ законодательства или экономическаго прогресса и медицинскаго знанія вдругъ исчезли въ древней Руси всѣ нищіе и убогіе, кто знаетъ, можетъ быть, древне-русскій милостивецъ почувствовалъ бы нѣкоторую нравственную неловкость, подобно человѣку, оставшемуся безъ посоха, на который онъ привыкъ опираться; у него оказался бы недочетъ въ запасѣ средствъ его душевнаго домостроительства.

Трудно сказать, въ какой степени такой взглядъ на благотворительность содѣйствовалъ улучшенію древне-русскаго общежитія. Никакими методами

соціологическаго изученія нельзя вычислить, какое количество добра вливала въ людскія отношенія эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня, насколько она пріучала людей любить человѣка и отучала бѣдняка ненавидѣть богатаго. Явственнѣе и осязательнѣе обнаруживалось значеніе такой личной милостыни, когда нужда въ благотворительной помощи вызывалась не горемъ отдѣльныхъ несчастливыхъ жизней, а народнымъ физическимъ бѣдствіемъ. Природа нашей страны издавна была доброй, но иногда бывала своенравной матерью своего народа, который, можетъ быть, самъ же и вызывалъ ея своенравіе своимъ неумѣньемъ обращаться съ ней. Недороды и неурожаи были нерѣдки въ древней Руси. Недостатокъ экономическаго общенія и административной рапорядительности превращалъ мѣстные недоборы продовольствія въ голодныя бѣдствія.

Такое бѣдствіе случилось въ началѣ XVII вѣка, при царѣ Борисѣ. Въ 1601 году, едва кончился весенній сѣвъ, полили страшные дожди и лили все лѣто. Полевыя работы прекратились. Хлѣбъ не вызрѣлъ, до августа нельзя было начать жатву, а на Успеньевъ день неожиданно ударилъ крѣпкій морозъ и побилъ недозрѣвшій хлѣбъ, который почти весь остался на полѣ. Люди кормились остатками стараго хлѣба, а на слѣдующій годъ посѣялись кое-какъ собраннымъ зяблымъ зерномъ новаго урожая; но ничего не взошло, все осталось въ землѣ и наступилъ трехлѣтній голодъ. Царь не жалѣлъ казны, щедро раздавалъ въ Москвѣ милостыню, предпринялъ обширныя постройки, чтобы доставить заработокъ нуждающимся. Прослышавъ объ этомъ, народъ толпами повалилъ въ Москву изъ неурожайныхъ провинцій, чѣмъ усилилъ нужду въ столицѣ. Началась сильная смертность: только въ трехъ казенныхъ столичныхъ скудельницахъ, куда царь велѣлъ подбирать безпріютныя

жертвы, за два года четыре мѣсяца ихъ насчитали 127 тысячъ. Но бѣда создана была въ значительной мѣрѣ искусственно. Хлѣба оставалось довольно отъ прежнихъ урожаевъ. Послѣ, когда самозванцы наводнили Русь шайками поляковъ и казаковъ, которые своими опустошеніями прекратили посѣвы на обширныхъ пространствахъ, этого запаснаго хлѣба много лѣтъ хватало не только на своихъ, но и на враговъ. При первыхъ признакахъ неурожая начала разыгрываться хлѣбная спекуляція. Крупные землевладѣльцы заперли свои склады. Скупщики пустили все въ оборотъ, деньги, утварь, дорогое платье, чтобы забрать продажный хлѣбъ. Тѣ и другіе не пускали ни зерна на рынокъ, выжидая высокихъ цѣнъ, радуясь, по выраженію современника, барышамъ, „конца же вещи не разумѣюще, сплетены смуты слагающе и народъ смущающе“. Хлѣбныя цѣны были взбиты на страшную высоту: четверть ржи съ 20 тогдашнихъ копеекъ скоро поднялась до 6 рублей, равнявшихся нашимъ 60 рублямъ, то-есть вздорожала въ 30 разъ! Царь принималъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ зла, запретилъ винокуреніе и пивовареніе, велѣлъ сыскивать скупщиковъ и бить кнутомъ на рынкахъ нещадно, переписывать ихъ запасы и продавать въ розницу понемногу, предписывалъ обязательныя цѣны и каралъ тяжкими штрафами тѣхъ, кто таилъ свои запасы.

Сохранившійся памятникъ вскрылъ намъ одну изъ частныхъ благотворительныхъ дѣятельностей, которыя въ то время работали внизу, на мѣстахъ, когда царь боролся съ народнымъ бѣдствіемъ наверху. Жила тогда въ своемъ имѣніи вдова-помѣщица, жена зажиточнаго провинціальнаго дворянина, Ульяна Устиновна Осорьина. Это была простая, обыкновенная добрая женщина древней Руси, скромная, боявшаяся чѣмъ-нибудь стать выше окружающихъ. Она отличалась отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что жалость къ бѣдному и убогому,—

чувство, съ которымъ русская женщина на свѣтъ родится,—въ ней было тоньше и глубже, обнаруживалась напряженнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ и, развиваясь отъ непрерывной практики, постепенно наполнила все ея существо, стала основнымъ стимуломъ ея нравственной жизни, ежеминутнымъ влеченіемъ ея вѣчно дѣятельнаго сердца. Еще до замужества, живя у тетки по смерти родителей, она обшивала всѣхъ сиротъ и немощныхъ вдовъ въ ея деревнѣ, и часто до разсвѣта не гасла свѣча въ ея свѣтлицѣ. По выходѣ ея замужъ свекровь поручила ей веденіе домашняго хозяйства, и невѣстка оказалась умной и распорядительной хозяйкой. Но привычная мысль о бѣдномъ и убогомъ не покидала ея среди домашнихъ и семейныхъ хлопотъ. Она глубоко усвоила себѣ христіанскую заповѣдь о тайной милостынѣ. Бывало ушлютъ ея мужа на царскую службу куда-нибудь въ Астрахань года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокіе вечера, она шила и пряла, рукодѣлье свое продавала и выручку тайкомъ раздавала нищимъ, которые приходили къ ней по ночамъ. Не считая себя въ правѣ брать что-нибудь изъ домашнихъ запасовъ безъ спроса у свекрови, она однажды прибѣгла даже къ маленькому лукавству съ благотворительной цѣлью, о которомъ позволительно разсказать, потому что его не скрылъ ея почтительный сынъ въ біографіи матери. Ульяна была очень умѣренна въ пищѣ, только обѣдала, не завтракала и не полдничала, что очень тревожило свекровь, боявшуюся за здоровье молодой невѣстки. Случился на Руси одинъ изъ нерѣдкихъ неурожаевъ, и въ муромскомъ краю наступилъ голодъ. Ульяна усилила обычную свою тайную милостыню и, нуждаясь въ новыхъ средствахъ, вдругъ стала требовать себѣ полностью завтраковъ и полдниковъ, которые, разумѣется, шли въ раздачу голодающимъ. Свекровь полушутливо замѣтила ей: что это подѣялось съ тобой, дочь моя?

когда хлѣба было вдоволь, тебя, бывало, не дозовешься ни къ завтраку, ни къ полднику, а теперь, когда всѣмъ стало ѣсть нечего, у тебя какая охота къ ѣдѣ припала. — Пока не было у меня дѣтей, — отвѣчала невѣстка, — мнѣ ѣда и на умъ не шла, а какъ пошли ребята родиться, я отощала и никакъ не могу наѣсться, не только что днемъ, но часто и ночью такъ и тянетъ къ ѣдѣ; только мнѣ стыдно, матушка, просить у тебя. Свекровь осталась довольна объясненіемъ своей доброй лгуньи и позволила ей брать себѣ пищи, сколько захочется, и днемъ и ночью.

Эта постоянно возбужденная сострадательная любовь къ ближнему, обижаемому жизнью, помогла Ульянѣ легко переступить черезъ самые закоренѣлые общественные предразсудки древней Руси. Глубокая юридическая и нравственная пропасть лежала между древнерусскимъ бариномъ и его холопомъ: послѣдній былъ для перваго по закону не лицомъ, а простою вещью. Слѣдуя исконному туземному обычаю, а, можетъ быть, и греко-римскому праву, не вмѣнявшему въ преступленіе смерти раба отъ побой господина, русское законодательство еще въ XIV вѣкѣ провозглашало, что если господинъ „огрѣшится“, неудачнымъ ударомъ убьетъ своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и отвѣтственности. Церковь долго и напрасно вопіяла противъ такого отношенія къ крѣпостнымъ людямъ. Десятками наполняя дворы зажиточныхъ землевладѣльцевъ, плохо одѣваемая и всегда содержимая впроголодь, челядь составляла толпу домашнихъ нищихъ, болѣе жалкихъ сравнительно съ вольными публичными нищими. Древне-русская церковная проповѣдь такъ и указывала на нихъ господамъ, какъ на ближайшій предметъ ихъ состраданія, призывая ихъ позаботиться о своихъ челядинцахъ прежде, чѣмъ протягивать руку съ благотворительной копейкой нищему, стоящему на церковной паперти. Въ усадьбѣ

Ульяны было много чéляди. Она ее хорошо кормила и одѣвала, не баловала, но щадила, не оставляла безъ дѣла, но задавала каждому работу по силамъ и не требовала отъ нея личныхъ услугъ; что могла, все дѣлала для себя сама, не допускала даже разувать себя и подавать воды умыться. При этомъ она не позволяла себѣ обращаться къ крѣпостнымъ съ кличками, какими душевладѣльческая Русь вплоть до самаго 19 февраля 1861 года окрикивала своихъ л ю д е й: Ванька, Машка, но каждаго и каждую называла настоящимъ именемъ. Кто, какія соціальныя теоріи научили ее, простую сельскую барыню XVI вѣка, стать въ такія прямыя и обдуманныя отношенія къ низшей подвластной братіи?

Она была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда ее постигло послѣднее и самое тяжкое благотворительное испытаніе. Лукавый бѣсъ, добра ненавистникъ, давно уже суетившійся около этой досадной ему женщины и всегда ею посрамляемый, разъ со злости пригрозилъ ей: погоди же! будешь ты у меня чужихъ кормить, когда я тебя самое на старости лѣтъ заставлю околѣвать съ голоду. Такой добродушно-набожной комбинаціей объяснено въ біографіи происхожденіе постигшей добрую женщину бѣды. Похоронивъ мужа, вырастивъ сыновей и поставивъ ихъ на царскую службу, она уже помышляла о вѣчномъ устроеніи собственной души, но все еще тлѣла передъ Богомъ любовью къ ближнему, какъ тлѣетъ передъ образомъ догорающая восковая свѣчка. Нищелюбіе не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствіе она разсчитывала только на годъ, раздавая остальное нуждающимся. Бѣдный былъ для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она съ ненасыщаемымъ скопидомствомъ все прятала да прятала всѣ свои сбереженія и излишки. Порой у нея въ дому не оставалось ни копейки отъ милостыни, и она занимала у сыновей

деньги, на которыя шила зимнюю одежду для нищихъ, а сама, имѣя уже подъ 60 лѣтъ, ходила всю зиму безъ шубы. Начало страшнаго голоднаго трехлѣтія при царѣ Борисѣ застало ее въ нижегородской вотчинѣ совсѣмъ неприготовленной. Съ полей своихъ она не собрала ни зерна, запасовъ не было, скотъ палъ почти весь отъ безкормицы. Но она не упала духомъ, а бодро принялась за дѣло, распродала остатокъ скота, платье, посуду, все цѣнное въ домѣ и на вырученныя деньги покупала хлѣбъ, который и раздавала голодающимъ, ни одного просящаго не отпускала съ пустыми руками и особенно заботилась о прокормленіи своей челяди. Тогда многіе разсчетливые господа просто прогоняли со дворовъ своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ, но не давали имъ отпускныхъ, чтобы послѣ воротить ихъ въ неволю. Брошенные на произволъ судьбы среди всеобщей паники, холопы принимались воровать и грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своихъ челядинцевъ и удерживала ихъ при себѣ, сколько было у ней силы. Наконецъ, она дошла до послѣдней степени нищеты, обобрала себя дочиста, такъ что не въ чемъ стало выйти въ церковь. Выбившись изъ силъ, израсходовавъ весь хлѣбъ до послѣдняго зерна, она объявила своей крѣпостной дворнѣ, что кормить ее больше она не можетъ, кто желаетъ, пусть беретъ свои крѣпости или отпускныя и идетъ съ Богомъ на волю. Нѣкоторые ушли отъ нея, и она проводила ихъ съ молитвой и благословеніемъ: но другіе отказались отъ воли, объявили, что не пойдутъ, скорѣе умрутъ съ своей госпожой, чѣмъ покинутъ ее. Она разослала своихъ вѣрныхъ слугъ по лѣсамъ и полямъ собирать древесную кору и лебеду и принялась печь хлѣбъ изъ этихъ суррогатовъ, которыми кормилась съ дѣтьми и холопами, даже ухитрялась дѣлиться съ нищими, „потому что въ то время нищихъ было безъ числа“, лаконически замѣчаетъ ея

біографъ. Окрестные помѣщики съ упрекомъ говорили этимъ нищимъ: зачѣмъ это вы заходите къ ней? чего взять съ нея? она и сама помираетъ съ голоду. — А мы вотъ что скажемъ, — говорили нищіе, — много обошли мы селъ, гдѣ намъ подавали настоящій хлѣбъ, да и онъ не ѣлся намъ такъ всласть, какъ хлѣбъ этой вдовы — какъ бишь ее? Многіе нищіе не умѣли и назвать ее по имени. Тогда сосѣди-помѣщики начали подсылать къ Ульянѣ за ея диковиннымъ хлѣбомъ; отвѣдавъ его, они находили, что нищіе были правы, и съ удивленіемъ говорили межъ себя: мастера же ея холопы хлѣбы печь! Съ какой любовью надобно было подавать нищему ломоть хлѣба, не безукоризненнаго въ химическомъ отношеніи, чтобы этотъ ломоть становился предметомъ поэтической легенды тотчасъ, какъ былъ съѣдаемъ! Два года терпѣла она такую нищету и не опечалилась, не пороптала, не дала безумія Богу, не изнемогла отъ нищеты, напротивъ, была весела, какъ никогда прежде. Такъ заканчиваетъ біографъ свой разсказъ о послѣднемъ подвигѣ матери. Она и умерла вскорѣ по окончаніи голода, въ началѣ 1604 года. Преданія нашего прошлаго не сохранили намъ болѣе возвышеннаго и болѣе трогательнаго образца благотворительной любви къ ближнему.

Никто не сосчиталъ, ни одинъ историческій памятникъ не записалъ, сколько было тогда Ульянъ на Русской землѣ и какое количество голодныхъ слезъ утерли онѣ своими добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно тѣхъ и другихъ, потому что Русская земля пережила тѣ страшные годы, обманувъ ожиданія своихъ враговъ. Здѣсь частная благотворительность шла навстрѣчу усиліямъ государственной власти. Но не всегда такъ бываетъ. Частная благотворительность страдаетъ нѣкоторыми неудобствами. Обыкновенно она оказываетъ случайную и мимолетную помощь и часто не настоящей нуждѣ. Она легко

доступна злоупотребленію: вызываемая однимъ изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ неразсчетливыхъ чувствъ, какія только есть въ нравственномъ запасѣ человѣческаго сердца, она не можетъ слѣдить за своими собственными слѣдствіями. Она чиста въ своемъ источникѣ, но легко поддается порчѣ въ своемъ теченіи. Здѣсь она противъ воли благотворителей и можетъ разойтись съ требованіями общественнаго блага и порядка. Петръ Великій, усилившійся привести въ производительное движеніе весь наличный запасъ рабочихъ силъ своего народа, вооружился противъ праздная нищенства, питаемаго частной милостыней. Въ 1705 году онъ указалъ разсылать по Москвѣ подьячихъ съ солдатами и приставами ловить бродячихъ нищихъ и наказывать, деньги у нихъ отбирать, милостыни имъ не подавать, а подающихъ хватать и подвергать штрафу; благотворители должны были доставлять свои подаянія въ богадѣльни, существовавшія при церквахъ. Петръ вооружился противъ частной милостыни во имя общественной благотворительности, какъ учрежденія, какъ системы богоугодныхъ заведеній. Общественная благотворительность имѣетъ свои преимущества: уступая частной милостыни въ энергіи и качествѣ побужденій, въ нравственно воспитательномъ дѣйствіи на обѣ стороны, она разборчивѣе и дѣйствительнѣе по своимъ практическимъ результатамъ, оказываетъ нуждающемуся болѣе надежную помощь, даетъ ему постоянный пріютъ.

Мысль объ общественной благотворительности, разумѣется, съ особенной силой возбуждалась во времена народныхъ бѣдствій, когда количество добра требуется прежде, чѣмъ спрашиваютъ о качествѣ побужденій добродѣянія. Такъ было въ Смутное время. Въ 1609 году второй самозванецъ осаждалъ Москву. Повторились явленія Борисова времени. Въ столицѣ наступилъ страшный голодъ. Хлѣботорговцы устроили

стачку, начали всюду скупать запасы и ничего не пускали на рынокъ, выжидая наибольшаго подъёма цѣнъ. За четверть ржи стали спрашивать 9 тогдашнихъ рублей, то-есть свыше 100 рублей на наши деньги. Царь Василій Шуйскій приказалъ продавать хлѣбъ по указной цѣнѣ — торговцы не слушались. Онъ пустилъ въ дѣйствіе строгость законовъ — торговцы прекратили рискованный подвозъ закупленнаго ими по провинціямъ хлѣба въ осажденную столицу. Мало того, по московскимъ улицамъ и рынкамъ полилась изъ тысячъ устъ оппозиціонная публицистика, начали говорить, что всѣ бѣды, и вражій мечъ, и голодъ, падаютъ на народъ потому, что царь несчастливъ. Тогда въ московскій Успенскій соборъ созвано было небывалое народное собраніе. Патріархъ Гермогенъ сказалъ сильную проповѣдь о любви и милосердіи; за нимъ самъ царь произнесъ рѣчь, умоляя кулаковъ не скупать хлѣба, не поднимать цѣнъ. Но борьба обѣихъ высшихъ властей, церковной и государственной, съ народной психологіей и политической экономіей была безуспѣшна. Тогда свѣтлая мысль, одна изъ тѣхъ, какія часто приходятъ въ голову добрымъ людямъ, осѣнила царя и патріарха. Древне-русскій монастырь всегда былъ запасной житницей для нуждающихся, ибо церковное богатство, какъ говорили пастыри нашей церкви, нищихъ богатство. Жилъ тогда на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ келарь Троицкаго Сергіева монастыря, отецъ Авраамій, обладавшій значительными запасами хлѣба. Царь и патріархъ уговорили его выслать нѣсколько сотъ четвертей на московскій рынокъ по 2 рубля за четверть. Это была больше психологическая, чѣмъ политико-экономическая операція: келарь выбросилъ на рынокъ многолюдной столицы всего только 200 мѣръ ржи; но цѣль была достигнута. Торговцы испугались, когда пошелъ слухъ, что на рынокъ тронулись всѣ хлѣбные запасы этого

богача-монастыря, считавшіеся неисчерпаемыми, и цѣна хлѣба надолго упала до 2 рублей. Черезъ нѣсколько времени Авраамій повторилъ эту операцію съ такимъ же количествомъ хлѣба и съ прежнимъ успѣхомъ.

На долю XVII вѣка выпало печальное преимущество тяжелымъ опытомъ понять и оцѣнить всю важность поставленнаго еще на Стоглавомъ соборѣ вопроса объ общественной благотворительности, какъ вопроса законодательства и управленія, и перенести его изъ круга дѣйствія личнаго нравственнаго чувства въ область общественнаго благоустройства. Тяжелыя испытанія привели къ мысли, что государственная власть своевременными мѣрами можетъ ослабить или предотвратить бѣдствія нуждающихся массъ и даже направить частную благотворительность. Въ 1654 году началась и при очень неблагопріятныхъ условіяхъ продолжалась война съ Польшей за Малороссію. Эпидемія опустошила деревни и села и уменьшила производство хлѣба. Паденіе курса выпущенныхъ въ 1656 году кредитныхъ мѣдныхъ денегъ съ номинальной стоимостью серебряныхъ усилило дороговизну: цѣна хлѣба, съ начала войны удвоившаяся, къ началу 1660-хъ годовъ въ иныхъ мѣстахъ поднялась до 30 — 40 рублей за четверть ржи на наши деньги. Въ 1660 году свѣдущіе люди изъ московскаго купечества, призванные для совѣщанія съ боярами о причинахъ дороговизны и о средствахъ ея устраненія, между прочимъ указали на чрезвычайное развитіе винокуренія и пивоваренія и предложили прекратить продажу вина въ питейныхъ заведеніяхъ, закрыть винные заводы, также принять мѣры противъ скупки хлѣба и не допускать скупщиковъ и кулаковъ на хлѣбные рынки раньше полудня, наконецъ, переписать запасы хлѣба, заготовленные скупщиками, перевезти ихъ въ Москву на казенный счетъ и продавать здѣсь бѣднымъ людямъ, а скупщикамъ заплатить изъ казны по ихъ цѣнѣ деньгами.

Какъ только тяжесть положенія заставила вдуматься въ механизмъ народно-хозяйственнаго оборота, тотчасъ живо почувствовалось, что можетъ сдѣлать государственная власть для устраненія возникающихъ въ немъ замѣшательствъ.

Въ эти тяжёлые годы стоялъ близко къ царю человѣкъ, который добрымъ примѣромъ показалъ, какъ можно соединить частную благотворительность съ общественной и на чувствѣ личнаго состраданія построить устойчивую систему благотворительныхъ учрежденій. Это былъ Ѳ. М. Ртищевъ, ближній постельничій, какъ бы сказать оберъ-гофмейстеръ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, а потомъ его дворецкій, то-есть министръ двора. Этотъ человѣкъ—одно изъ лучшихъ воспоминаній, завѣщанныхъ намъ древне-русской стариной. Одинъ изъ первыхъ насадителей научнаго образованія въ Москвѣ XVII вѣка, онъ принадлежалъ къ числу крупныхъ государственныхъ умовъ Алексѣева времени, столь обильнаго крупными умами. Ему приписывали и мысль упомянутой кредитной операціи съ мѣдными деньгами, представлявшей небывалую новость въ тогдашней финансовой политикѣ, и не его вина, если опытъ кончился неблагополучно. Много занятый по службѣ, пользуясь полнымъ довѣріемъ царя и царицы и большимъ уваженіемъ придворнаго общества, воспитатель царевича Алексѣя, Ртищевъ поставилъ задачей своей частной жизни служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству. Помощь ближнему была постоянной потребностью его сердца, а его взглядъ на себя и на ближняго сообщалъ этой потребности характеръ отвѣтственнаго, но непритязательнаго нравственнаго долга. Ртищевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ и немного странныхъ людей, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія, по крайней мѣрѣ, въ простомъ ходячемъ смыслѣ этого слова. Наперекоръ природнымъ инстинктамъ и исконнымъ людскимъ

привычкамъ въ заповѣди Христовой любить ближняго своего, какъ самого себя, онъ считалъ себя способнымъ исполнять только первую часть: онъ и самого себя любилъ только для ближняго, считая себя самымъ послѣднимъ изъ своихъ ближнихъ, о которомъ не грѣшно подумать развѣ только тогда, когда не о комъ больше думать — совершенно евангельскій человѣкъ, правая щека котораго сама собою безъ хвастовства и расчета подставлялась ударившему по лѣвой, какъ будто это было требованіемъ физическаго закона или свѣтскаго приличія, а не подвигомъ смиренія. Ртищевъ не понималъ обиды, какъ иные не знаютъ вкуса въ винѣ, не считая этого за воздержаніе, а просто не понимая, какъ это можно пить такую непріятную и безполезную вещь. Своему обидчику онъ первый шелъ навстрѣчу съ просьбой о прощеніи и примиреніи. Съ высоты своего общественнаго положенія онъ не умѣлъ скользить высокомѣрнымъ взглядомъ поверхъ людскихъ головъ, останавливаясь на нихъ лишь для того чтобы сосчитать ихъ. Человѣкъ не былъ для него только счетной единицей, особенно человѣкъ бѣдный и страждущій. Высокое положеніе только расширило, какъ бы сказать, пространство его человѣколюбія, давъ ему возможность видѣть, сколько живетъ на свѣтѣ людей, которымъ надо помочь, и его сострадательное чувство не довольствовалась помощью первому встрѣчному страданію. Съ высоты древне-русскаго состраданія личному, конкретному горю, вотъ т о м у или э т о м у несчастному человѣку, Ртищевъ умѣлъ подняться до способности соболѣзновать людскому несчастью, какъ общему злу, и бороться съ нимъ, какъ съ своимъ личнымъ бѣдствіемъ. Потому случайные и прерывистые вызовы личной благотворительности онъ хотѣлъ превратить въ постоянно дѣйствующую общественную организацію, которая подбирала бы массы труждающихся и обремененныхъ, облегчая имъ несеніе

тяжкой повинности жизни. Впечатлѣнія польской войны могли только укрѣпить эту мысль. Самъ царь двинулся въ походъ, и Ртищевъ сопровождалъ его, какъ начальникъ его походной квартиры. Находясь по должности въ тылу арміи, Ртищевъ видѣлъ ужасы, какіе оставляетъ послѣ себя война и которыхъ обыкновенно не замѣчаютъ сами воюющіе — тѣ, которые становятся ихъ первыми жертвами. Тылъ арміи — тяжкое испытаніе и лучшая школа человѣколюбія: тотъ уже неотступно полюбитъ человѣка, кто съ перевязочной линіи не унесетъ ненависти къ людямъ. Ртищевъ взглянулъ на отвратительную работу войны, какъ на жатву своего сердца, какъ на печально-обильный благотворительный урожай. Онъ страдалъ ногами, и ему трудно было ѣздить верхомъ. По дорогѣ онъ кучами подбиралъ въ свой экипажъ больныхъ, раненыхъ, избитыхъ и разорѣнныхъ, такъ что иногда и ему не оставалось мѣста, и пересѣвъ на коня, онъ плелся за своимъ импровизованнымъ походнымъ лазаретомъ до ближняго города, гдѣ тотчасъ нанималъ домъ, куда, самъ кряхтя отъ боли, сваливалъ свою охающую и стонущую братію, устроялъ ея содержаніе и уходъ за ней и даже неизвѣстно какимъ образомъ набиралъ врачебный персоналъ, „назиратаевъ и врачевъ имъ и кормителей устрояше, во упокоеніе ихъ и врачеваніе отъ имѣнія своего имъ изнуряя“, какъ вычурно замѣчаетъ его біографъ. Такъ оберъ-гофмейстеръ двора Его Величества самъ собою превратился въ начальника Краснаго Креста, имъ же и устроеннаго на собственныя средства. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ у него была тайная денежная и сердечная пособница, которую выдалъ исторіи тотъ же болтливый біографъ. Въ своемъ молчаливомъ карманѣ Ртищевъ везъ на войну значительную сумму, тихонько сунутую ему царицей Марьей Ильиничной, и біографъ нескромнымъ намекомъ даетъ понять, что передъ походомъ они уговорились принимать

въ задуманные ими временные военные госпитали даже плѣнныхъ враговъ, нуждавшихся въ госпитальной помощи. Надобно до земли поклониться памяти этихъ людей, которые безмолвной экзегетикой своихъ дѣлъ учатъ насъ понимать слова Христа: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ. Подобныя дѣла повторились и въ ливонскомъ походѣ царя, когда въ 1656 году началась война съ Швеціей.

Можно думать, что походныя наблюденія и впечатлѣнія не остались безъ вліянія на планъ общественной благотворительности, составившійся въ умѣ Ртищева. Этотъ планъ разсчитанъ былъ на самыя язвы тогдашней русской жизни. Прежде всего крымскіе татары въ XVI и XVII вв. сдѣлали себѣ прибыльный промыселъ изъ разбойничьихъ нападеній на Русскую землю гдѣ они тысячами и десятками тысячъ забирали плѣнныхъ, которыхъ продавали въ Турцію и другія страны. Чтобы спасти и воротить домой этихъ плѣнныхъ, московское правительство устроило ихъ выкупъ на казенный счетъ, для чего ввело особый общій налогъ, полоняничныя деньги. Этотъ выкупъ назывался „общей милостыней“, въ которой всѣ должны были участвовать: и царь, и всѣ „православные христіане“, его подданные. По соглашенію съ разбойниками были установлены порядокъ привоза плѣннаго товара и тарифъ, по которому онъ выкупался, смотря по общественному положенію плѣнниковъ. Выкупныя ставки во времена Ртищева были довольно высоки: за людей, стоявшихъ въ самомъ низу тогдашняго общества, за крестьянъ и холоповъ, назначено было казеннаго окупа около 250 рублей на наши деньги за человѣка; за людей высшихъ классовъ платили тысячи. Но государственное воспособленіе выкупу было недостаточно. Насмотрѣвшись во время походовъ на страданія плѣнныхъ Ртищевъ вошелъ въ соглашеніе съ жившимъ

въ Россіи купцомъ грекомъ, который, ведя дѣла съ магометанскимъ востокомъ, на свой счетъ выкупалъ много плѣнныхъ христіанъ. Этому доброму человѣку Ртищевъ передалъ капиталъ въ 17 тысячъ рублей на наши деньги, къ которому грекъ, принявшій на себя операцію выкупа, присоединилъ свой вкладъ, и такимъ образомъ составилась своего рода благотворительная компанія для выкупа русскихъ плѣнныхъ у татаръ. Но вѣрный уговору съ царицей, Ртищевъ не забывалъ и иноземцевъ, которыхъ плѣнъ забрасывалъ въ Россію, облегчалъ ихъ тяжелое положеніе своимъ ходатайствомъ и милостыней.

Московская немощеная улица XVII вѣка была очень неопрятна: среди грязи несчастіе, праздность и порокъ сидѣли, ползали и лежали рядомъ; нищіе и калѣки вопили къ прохожимъ о подаяніи, пьяные валялись на землѣ. Ртищевъ составилъ команду разсыльныхъ, которые подбирали этотъ людъ съ улицъ въ особый домъ, устроенный имъ на свой счетъ, гдѣ больныхъ лѣчили, а пьяныхъ вытрезвляли и потомъ, снабдивъ необходимымъ, отпускали, замѣняя ихъ новыми паціентами. Для престарѣлыхъ, слѣпыхъ и другихъ калѣкъ, страдавшихъ неизлѣчимыми недугами, Ртищевъ купилъ другой домъ, тратя на ихъ содержаніе свои послѣдніе доходы. Этотъ домъ подъ именемъ Больницы Ѳедора Ртищева существовалъ и послѣ его смерти, поддерживаемый доброхотными даяніями. Такъ Ртищевъ образовалъ два типа благотворительныхъ заведеній: амбулаторный пріютъ для нуждающихся во временной помощи и постоянное убѣжище — богадѣльню для людей, которыхъ человѣколюбіе должно взять на свои руки до ихъ смерти. Но онъ прислушивался къ людской нуждѣ и внѣ Москвы и здѣсь продолжалъ дѣло своей предшественницы Іуліаніи Осорьиной: кстати сказать, и его мать звали Ульяной. Случился голодъ въ Вологодскомъ краю. Мѣстный архіепископъ помогалъ

голодающимъ, сколько могъ. Ртищевъ, растративъ деньги на свои московскія заведенія, продалъ все свое лишнее платье, всю лишнюю домашнюю утварь, которой у него, богатаго барина, было множество, и послалъ вырученныя деньги вологодскому владыкѣ, который, прибавивъ къ пожертвованію и свою малую толику, прокормилъ много бѣднаго народа.

Съ осторожнымъ и глубоко сострадательнымъ вниманіемъ останавливался Ртищевъ передъ новымъ родомъ людей, нуждавшихся въ сострадательномъ вниманіи, который во время Іуліаніи только зарождался: въ XVII вѣкѣ сложилось крѣпостное состояніе крестьянъ. Личная свобода крестьянъ была одною изъ тѣхъ жертвъ, какія наше государство въ XVII вѣкѣ было вынуждено принести въ борьбѣ за свою цѣлость и внѣшнюю безопасность. Біографъ Ртищева только двумя-тремя чертами обозначилъ его отношеніе къ этому новому поприщу благотворенія, но чертами трогающими до глубины души. Будучи крупнымъ землевладѣльцемъ, онъ однажды долженъ былъ, нуждаясь въ деньгахъ, продать свое село Ильинское. Сторговавшись съ покупщикомъ, онъ самъ добровольно уменьшилъ условленную цѣну, но при этомъ подвелъ новаго владѣльца къ образу и заставилъ его побожиться, что онъ не увеличитъ человѣколюбиво разсчитанныхъ повинностей, какія отбывали крестьяне села въ пользу прежняго барина — необычная и немного странная форма словеснаго векселя, взятаго на совѣсть векселедателя. Поддерживая щедрыми ссудами инвентарь своихъ крестьянъ, онъ больше всего боялся разстроить это хозяйство непосильными оброками и барщинными работами и недовольно хмурилъ брови всякій разъ, когда въ отчетахъ управляющихъ замѣчалъ приращеніе барскаго дохода. Извѣстно, какъ заботился древне-русскій человѣкъ о загробномъ устроеніи своей души помощію вкладовъ, посмертной молитвы и поминовенія.

Вотчины свои Ртищевъ завѣщалъ своей дочери и зятю князю Одоевскому. Онъ заказалъ наслѣдникамъ отпустить всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю. Тогда законодательство еще не выработало порядка увольненія крѣпостныхъ крестьянъ съ землей цѣлыми обществами. „Вотъ какъ устройте мою душу, — говорилъ Ртищевъ передъ смертью зятю и дочери,—въ память по мнѣ будьте добры къ моимъ мужикамъ, которыхъ я укрѣпилъ за вами, владѣйте ими льготно, не требуйте отъ нихъ работъ и оброковъ свыше силы-возможности, потому что они намъ братья; это моя послѣдняя и самая большая къ вамъ просьба". Ртищевъ умѣлъ сострадать положенію цѣлыхъ обществъ или учрежденій, какъ сострадаютъ горю отдѣльныхъ лицъ. Мы всѣ помнимъ прекрасный разсказъ, читанный нами еще на школьной скамьѣ въ учебникѣ. Подъ Арзамасомъ у Ртищева была земля, за которую ему давали частные покупатели до 17 тысячъ рублей на наши деньги. Но онъ зналъ, что земля до зарѣзу нужна арзамасцамъ, и предложилъ городу купить ее хотя бы за пониженную цѣну. Но городское общество было такъ бѣдно, что не могло заплатить сколько-нибудь приличной цѣны и не знало, что дѣлать. Ртищевъ подарилъ ему землю.

Современники, наблюдавшіе дворъ царя Алексѣя, свои и чужіе, оставили очень мало извѣстій о министрѣ этого двора Ртищевѣ. Одинъ иностранный посолъ, пріѣзжавшій тогда въ Москву, отозвался о немъ, что едва имѣя 40 лѣтъ отъ роду, онъ превосходилъ благоразуміемъ многихъ стариковъ. Ртищевъ не выставлялся впередъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ людей, которые не любятъ идти въ первыхъ рядахъ, но оставаясь назади и высоко поднявъ свѣточи надъ головами, освѣщаютъ путь передовымъ людямъ. Особенно трудно было услѣдить за его благотворительной дѣятельностью. Но его понимали и помнили среди низшей братіи, за которую онъ положилъ свою душу.

Его біографъ, описывая его смерть, передаетъ очень наивный разсказъ. Ртищевъ умеръ въ 1673 году, всего 47 лѣтъ отъ роду. За два дня до его смерти жившая у него въ домѣ дѣвочка лѣтъ 12, которую онъ привѣчалъ за ея кроткій нравъ, помолившись, какъ было заведено въ этомъ домѣ, улеглась спать и, задремавъ, видитъ: сидитъ ея больной хозяинъ, такой веселый да нарядный, а на головѣ у него точно вѣнецъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нему молодецъ, тоже нарядно одѣтый, и говоритъ: „зоветъ тебя царевичъ Алексѣй“, а этотъ царевичъ, воспитанникъ Ртищева, тогда былъ уже покойникомъ. — Погоди немного, нельзя еще, — отвѣчалъ хозяинъ. Молодецъ ушелъ. Скоро пришли двое такихъ же и опять говорятъ: „зоветъ тебя царевичъ Алексѣй“. Хозяинъ всталъ и пошелъ, а за ноги его уцѣпились двѣ малютки, дочь его да племянница, и не хотятъ отстать отъ него. Онъ отстранилъ ихъ, сказавъ: „отойдите, не то возьму васъ съ собой“. Вышелъ хозяинъ изъ палаты, а тутъ передъ нимъ очутилась лѣстница отъ земли до самаго неба, и полѣзъ онъ по этой лѣстницѣ, а тамъ на выси небесной объявился юноша съ золотыми крылышками, протянулъ руку и подхватилъ его. Въ этомъ снѣ дѣвочки, разсказанномъ въ дѣвичьей Ртищева, отлились всѣ благодарныя слезы бѣдныхъ людей, утертыхъ хозяиномъ. Много разсказывали и про самую смерть его. Въ послѣднія минуты, уже совсѣмъ приготовившись, онъ позвалъ къ себѣ въ спальню нищихъ, чтобы изъ своихъ рукъ раздать имъ послѣднюю милостыню, потомъ прилегъ и забылся. Вдругъ его угасавшіе глаза засвѣтились, и онъ весело улыбнулся: съ такимъ видомъ онъ и замеръ. Всю жизнь страдать, благотворить и умереть съ веселой улыбкой — вполнѣ заслуженный конецъ такой жизни.

Не осталось извѣстій о томъ, нашло ли отголосокъ въ землевладѣльческомъ обществѣ отношеніе Ртищева къ крѣпостнымъ крестьянамъ; но его благотворительная

дѣятельность, повидимому, не осталась безъ вліянія на законодательство. Добрыя идеи, поддержанныя добрыми проводниками и примѣрами, легко облекаются въ плоть и кровь своего рода, въ обычаи, законы, учрежденія. Нерасчетливая частная благотворительность древней Руси вскормила ремесло нищенства, стала средствомъ питанія праздности и сама нерѣдко превращалась въ холодное исполненіе церковнаго приличія, въ раздачу копеечекъ просящимъ вмѣсто помощи нуждающимся. Милостивцы, подобные Іуліаніи и Ртищеву, возстановляли истинное христіанское значеніе милостыни, источникъ которой — теплое сострадательное чувство, а цѣль—уничтоженіе нужды, нищеты, страданія. Въ этомъ же направленіи послѣ Ртищева начинаетъ дѣйствовать и законодательство. Со времени Алексѣева преемника идетъ длинный рядъ указовъ противъ празднаго ремесленнаго нищенства и частной ручной милостыни. Съ другой стороны, государственная власть подаетъ руку церковной для дружной работы надъ устройствомъ благотворительныхъ заведеній. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ произвели разборку московскихъ нищихъ: дѣйствительно безпомощныхъ велѣно содержать на казенный счетъ въ особомъ пріютѣ, а здоровымъ лѣнтяямъ дать работу, можетъ быть, въ задуманныхъ тогда же рабочихъ домахъ. Предположено было построить въ Москвѣ два благотворительныхъ заведенія, больницу и богадѣльню для болящихъ, бродящихъ и лежащихъ по улицамъ нищихъ, чтобы они не бродили и не валялись: повидимому, предполагались заведенія, подобныя тѣмъ, какія устроены были Ртищевымъ. На церковномъ соборѣ 1681 года царь предложилъ патріарху и архіереямъ устроить такія же убѣжища для нищихъ и въ провинціальныхъ городахъ, и соборъ принялъ предложеніе. Такъ частный починъ добраго и вліятельнаго человѣка далъ прямой или косвенный толчокъ мысли объ устройствѣ цѣлой системы церковно-государственныхъ благотворительныхъ

заведеній и не только оживилъ, безъ сомнѣнія, усердіе доброхотныхъ дателей къ доброму дѣлу, но и подсказалъ самую его организацію, желательныя и возможныя формы, въ которыя оно должно было облечься.

Тѣмъ вѣдь и дорога память этихъ добрыхъ людей, что ихъ примѣръ въ трудныя минуты не только ободряетъ къ дѣйствію, но и учитъ, какъ дѣйствовать. Іуліанія и Ртищевъ—это образцы русской благотворительности. Одинаковое чувство подсказывало имъ различные способы дѣйствія, сообразные съ положеніемъ каждаго. Одна благотворила больше дома, въ своемъ тѣсномъ сельскомъ кругу; другой дѣйствовалъ преимущественно на широкой столичной площади и улицѣ. Для одной благодѣяніе было выраженіемъ личнаго состраданія; другой хотѣлъ превратить его въ организованное общественное человѣколюбіе. Но идя различными путями, оба шли къ одной цѣли: не теряя изъ вида нравственно-воспитательнаго значенія благотворительности, они смотрѣли на нее, какъ на непрерывную борьбу съ людской нуждой, съ горемъ безпомощнаго ближняго. Они и имъ подобные воспитатели и пронесли этотъ взглядъ черезъ рядъ вѣковъ, и онъ доселѣ живетъ въ нашемъ обществѣ, дѣятельно обнаруживаясь всякій разъ, когда это нужно. Сколько Ульянъ незамѣтно и безъ шума ведетъ теперь эту борьбу по захолустьямъ пораженныхъ нуждой мѣстностей! Есть, безъ сомнѣнія, и Ртищевы, и они не переведутся. По завѣту ихъ жизни будутъ дѣйствовать даже тогда, какъ ихъ самихъ забудутъ. Изъ своей исторической дали они не перестанутъ свѣтить, подобно маякамъ среди ночной мглы, освѣщая намъ путь и не нуждаясь въ собственномъ свѣтѣ. А завѣтъ ихъ жизни таковъ: жить значитъ любить ближняго, то-есть помогать ему жить; больше ничего не значитъ жить и больше не для чего жить.

47. В. Силинъ, Внѣшкольное образованіе въ Германіи . . 8 к.
48. И. Бѣлоконскій, За что и почему? — Фейга . . . . 8 к.
49. Двѣнадцатый годъ. По разсказамъ современниковъ . . . . . 8 к.
50. Л. Толстой, Хозяинъ и работникъ. . . . . 8 к.
51. М. Моравскій, Въ иностранномъ легіонѣ . . . . . 8 к.
52. Ф. Шиллеръ, Избранныя баллады. Въ переводѣ В. А. Жуковскаго . . . . . 8 к.
53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности . . . 10 к.
54. Л. Андреевъ, Петька на дачѣ — Валя — Баргамотъ и Гараська. . . . . 6 к.
55. К. Баранцевичъ, Посконная жизнь . . . . . 8 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . . . . 8 к.
57. Діонео, Безъ работы . . . . . 6 к.
58. Е. Звягинцевъ, Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка . . . . . 8 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки . . . . . 6 к.
60. Л. Толстой, Народныя легенды . . . . . 8 к.
61. К. Петровъ, Ирландія . . . . . 8 к.
62. А. Чеховъ, Мужики . . . . . 6 к.
63. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Переводы В. А. Жуковскаго, М. Ю. Лермонтова, гр. А. К. Толстого . . . . . 8 к.
64. П. Р—ъ, Изъ дневника человѣка безъ паспорта . . . 8 к.
65. В. Короленко, Морозъ — Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. . . . . 6 к.
66. Ф. Артемьевъ, Страхованіе рабочихъ въ Германіи . . 6 к.
67. А. Зиновьевъ, Изъ исторіи развитія русскаго государства . . . . . 3 к.
68. С. Аникинъ, Шпикъ. — А. Гринъ, Ночь. . . . . 8 к.
69. С. Сватиковъ, Конституціонное движеніе при Александрѣ II. . . . . 12 к.
70. Н. Некрасовъ, Избранныя стихотворенія . . . . . 10 к.
71. В. Ключевскій, Добрые люди древней Руси . . . . 3 к.
72. Н. Лѣсковъ, Лѣвша . . . . . 6 к.

Печатаются:

73. Н. Сухановъ, Происхожденіе міровой войны.
74. В. Калининъ, Балканская Голгоѳа.
75. А. Чеховъ, Человѣкъ въ футлярѣ — Новая дача — Тоска — Ванька — Спать хочется.

Тип. „Родная Рѣчь“ МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.